

первая звездочка на погонах офицера! Это первый поцелуй девушки! Не сомневаюсь, вы создадите десятки, возможно, сотни книг, но эту первую никогда не забудете. Отличная книжка, написана прекрасным русским языком» [25].

Конечно, Янчевецкий не был анархистом. Однако когда после роспуска Директории в Уфе арестовывали социалистов из Комуча, он предупреждал на страницах «Республиканца»: «Нужно не отталкивать тех лиц и те партии, которые уже ведут борьбу, уже организованы. Большевизм слишком грозное явление, чтобы презирать и отталкивать всякую помощь в общей борьбе против него» [26]. Василий Григорьевич пытался верить в здравомыслие, почти невозможное в условиях гражданской войны.

Вместе с Бурлюком в Омск приехали молодой художник Евгений Спасский и начинающий поэт, недоучившийся студент-медик Борис Четвериков. Повстречавшись с Борисом на выставке и узнав, что ему грозит арест по подозрению в дезертирстве, Василий Григорьевич предложил поэту место в своей редакции. «Меня поразили его глаза — острые, пронизывающие. И добрые, — вспоминал Четвериков. — Янчевецкий участливо и как-то успокоительно произнес: «Это действительно того — плохо. Что ж, надо выручать» [27].

Четвериков служил у Янчевецкого военным корреспондентом, Спасский — иллюстратором. Евгений был мобилизован, служил писарем в штабе, но кто-то настроил донос, якобы он большевик. Из тюрьмы художника выпустил офицер, бывавший на поэзоконцертах. «Он сказал, чтобы я не оставался в городе ни одной минуты... Я пошел на вокзал с пустыми руками и пустым карманом. Но мир не без добрых людей. На вокзале меня останавливает человек в чине штабного полковника и говорит: «Я вас знаю. Вы такой-то. Куда вы идете?» Я увидел добрые, ласковые глаза и рассказал ему все со мной случившееся. Он предложил мне место и работу у себя в передвижной типографии. И так я попадаю в вагон на колесах,

делаю клише, режу из линолеума заставки, виньетки и рисунки» [28].

Тираж «Вперед» быстро вырос до 3000 экземпляров. Для сравнения: омский «Правительственный вестник» печатался в 7500 экземпляров, «Русская армия» — 4500.

Сотрудники Янчевецкого жили в одном из четырех вагонов, занятых типографией и редакцией. Здесь же, в поезде, обитал и он сам. В вагоне редактора имелся рояль, иногда там устраивались музыкальные вечера, Боря Четвериков пел на два голоса с Женей Янчевецкой. Мария Маслова помогала Василию Григорьевичу в повседневных делах, присматривала за Мишей. Свои заметки для газеты она подписывала «М. Янчевецкая» или «М. Ян», а значит... Да, по всей видимости, в Омске Янчевецкий решил создавать семью заново.

* * *

Два месяца. Всего два месяца длился полет к Волге — так назвали наступление колчаковских армий. По Каме они с непрерывными боями дошли до Чистополя, в направлении Самары — до Бугуруслана. До Волги оставалось всего 40—45 верст.

В столице белой Сибири впечатление от побед граничало с эйфорией. «Подвиги русских воинов на полях Бугульмы и Стерлитамака доказывают, что русская нация сможет и без посторонней помощи возродиться и выйти из тяжелого положения», — с гордостью говорил Янчевецкий. Эти слова были еще и оценкой начавшейся в Париже мирной конференции, где решалась судьба побежденной Германии и Австро-Венгрии, но без полноправного участия России. Однако русский народ «не нуждается в крохах, падающих со стола, за который нас не пригласили» [29].

«Вперед» печатает бодрые сводки с фронта и сатирическую «Телеграмму в Москву Ленину и Троцкому». В те же дни генерал-лейтенант Алексей Будберг, главный

что бывший начальник «Вперед» теперь живет в Москве. Но хода своему знанию не дал [26].

Борис Четвериков в 1922 году перебрался из Омска в Петроград. Сочинял рассказы, повести, опубликовал роман, редактировал литературное приложение к «Красной газете». О службе в белогвардейской газете он рассказал в мемуарах, которые начал писать в середине 1960-х, но так и не опубликовал. Четвериков вспоминал Янчевецкого с чувством великой благодарности и, как бы прикрывая (ему самому бояться уже было нечего), уверял: «Не помню ни одного случая, чтобы «фронтная газета» приближалась к фронту хотя бы на сто километров. У меня создалось впечатление, что и сама-то газета выпускалась лишь в стольких экземплярах, сколько требовалось сдавать в цензуру». Он изменил ее название на «Верный путь» и подчеркивал, что редактор укрывал дезертиров [27]. А Всеволод Иванов в «Истории моих книг» (опубликована в 1957 году) писал, будто типография «Вперед» не выезжала дальше тупика возле Атамановского хутора, а пачки газет не покидали склада на товарной станции.

Евгений Спасский с 1921 года жил в Москве. Окончил Вхутемас, преподавал в школе-интернате, работал книжным оформителем, театральным художником, декоратором. Янчевецкий сам разыскал его, зазвал в гости, а позднее, в середине 1930-х попросил сделать иллюстрации к «Чингисхану» [28]. Василий Григорьевич даже в мыслях не допускал, что человек, которому он когда-то помог и доверял, способен предать и настрочить донос.

Яна едва не выдал Антон Сорокин. Больной туберкулезом, впадающий в мизантропию писатель сочинял сатирические «Тридцать три скандала Колчаку». Первые семь рассказов взял новосибирский журнал «Настоящее» для январского номера 1928 года. «В “Летучей мыши” был негласный банкет в честь приезда Колчака... Гайда. Колчак. Сыровой с черной повязкой на глазу. Янчевецкий...» Сорокин безудержно фантазировал: когда Колчак появился в Омске, его будущий начосведотделения не покидал Че-

когда сияли имена Байрона, Шелли, Гете, Шиллера и других, совершенно у нас неведомых романтиков...» (9 января 1943 года). «Мне не раз говорили: «Ваш «Чингисхан» — это бомба среди тихого дня, а «Батый» — слабее и не производит того увлекающего впечатления... Это заставляет меня сильно вдумываться...» (16 августа 1943 года) [15].

Василий Ян — Евгении Можаровской: «По совету моего милого доктора академика Филатова, когда я сажусь за стол работать, я беру мою излюбленную трубочку и, как будто куря, держу ее в зубах — и в результате отлично работаю... Таким же условным рефлексом при работе являются четки на левой руке, статуя задумчивого Демона передо мной, портреты моих любимых и увядшие розы в вазочке» (19 сентября 1943 года) [16]. И еще за писателем снова наблюдал Чингисхан. Художник Евгений Спасский, тоже эвакуировавшийся в Ташкент, нарисовал тушью портрет великого кагана, следуя словесным указаниям Яна. Портрет стоял у Яна прямо на рабочем столе.

«Золотая Орда» была для Яна главным делом, но, кроме того, он сочинял историческую повесть «Джелаль эд-Дин» для Узгиза, драму «Батый» (отклонена Культпросветом ЦК ВКП(б), сценарий «Чингисхан» для «Мосфильма» и «Узбекфильма» (съемки так и не начались), статьи для узбекских и центральных газет и журналов, пьесу «Ошибка, изменившая ход истории» — политическую фантазию, сатирический набросок фигуры Гитлера, других главных нацистов и одураченных ими немцев. «Ошибка» отклонил Фадеев, справедливо заметив, что «враг оказался сильнее, чем мы предполагали, и многое в трактовке событий и в тоне пьесы нуждается в серьезных поправках». В архиве Яна сохранилось несколько набросков рассказов на военную тему. «Был у начальника политуправления Военной академии им. Фрунзе и говорил о своем желании беседовать с бойцами, прибывшими с фронта, побывать в танке, внутри, во время хода, стрельбы орудий. Пусть меня обожжет...» Некоторые замыслы он завершил и подготовил в сборник «Рассказы в блиндаже» или, в другом вариан-